

ВЛАДИМИР КОНОНОВ

“ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА,
БУДЬ ПОСЛУШНА...”

А. С. Пушкин:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Митрополит Филарет:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена:*

*Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый ум.*

А. С. Пушкин:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слёз нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных свет,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Так уж случилось, — и вполне понятно почему, — что многие из тех, кто сегодня пишет о Пушкине, старательно отыскивают, согласно “новой моде”, в творчестве поэта признаки его безусловной веры в Бога. Но, к сожалению, причисляют в этот ряд — причём как покаянное — и стихотворение “В часы забав иль праздной скуки...”.

История создания этого стихотворения хорошо известна. Оно было написано Пушкиным в ответ на стихотворную отповедь митрополита Филарета — “Не напрасно, не случайно...”, которая, в свою очередь, была вызвана другим стихотворением Пушкина: “Дар напрасный, дар случайный...”. За этим “диалогом” Митрополита и Поэта просматривается вполне законченный сюжет, все обстоятельства которого отслежены вплоть до второстепенных; и о них, действительно, забывать не следует. Однако, увы, мы мерим по себе, своей меркой, лишь на свой лад понимая и истолковывая пушкинские строки. “Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...” — свидетельствовал другой гениальный поэт, современник Пушкина.

И потому очень часто попытки такого пристрастного, одномерного, “со стороны” истолкования и судьбы поэта, и побудительных мотивов, и даже бытовых подробностей, вызвавших “по видимости!” написание того или иного стихотворения, выглядят или неоправданно смелыми, или, скорее, частным суждением с элементами домысла.

Вообще, переписка поэтов со священнослужителями, да ещё в стихах, да ещё, что называется, публично, — вещь чрезвычайно редкая, если не единственная в своём роде. Нельзя не принять во внимание и то обстоятельство, что эта переписка двух известнейших на тот момент в России людей — А. С. Пушкина и митрополита Московского Филарета (Дроздова).

Скандально известные “Прогулки с Пушкиным” Абрама Терца (А. Синявского) — удивительный пример в этом смысле. И вообразить вроде бы нельзя — как это: летящий поэт и шаркающий мелкими шажками Абрам Терц могли вместе прогуливаться?... Однако, поди ж ты, — прогулялись! Оно и понятно: всякому лестно; помните, гоголевский Хлестаков ещё говаривал, петушась перед дамами: “С писателями знаком... С Пушкиным на дружеской ноге...”

Но понятно и другое: не с гением Пушкиным, а с тем — другим, который “меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней...” — мог прогуливаться и Абрам Терц, и Ст. Рассадин, и (ещё раньше, одним из первых) М. Гершензон...

А Пушкин? Пушкин, конечно же, легко “улетал” от всех хулителей. Как ускользнул он и от строгой отповеди митрополита Филарета.

Что же до “переписки” Пушкина и Филарета, то, скажем, В.Ф. Асмус убеждён, что Пушкин был “потрясён” стихотворной отповедью Филарета, а В. Непомнящий полагает, что оно оказалось “точкой опоры, которая помогла перевернуть ставший было на голову мир.”

Но давайте попробуем разобраться. И постараемся исходить из самого авторского текста, из внимательного прочтения того, “что в слове” и “что за словом”.

Прежде всего отметим, что Пушкин вполне сознавал предназначение своего поэтического дара — как дара Божьего. В стихотворении “Пророк” он прямо пишет:

*И Бога глас ко мне воззвал:
“Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!”*

Этот дар открывал поэту и сокровенные смыслы бытия. В том же стихотворении “Пророк” читаем:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...*

Но точно так же была внятна поэту и другая, вполне мирская сторона жизни. В стихотворении “Памятник” (1836 г.) он пишет:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит...*

Достаточно выделить здесь “в заветной лире” — и становится как будто ясен именно “матерьялистический” смысл стихов, тем более что далее уточняется:

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...*

Однако всего через восемь строк в этом же стихотворении Пушкин восклицает:

Веленью Божию, о муза, будь послушна...

То есть, как и во многих других стихах, мы видим: поэт постоянно помнит о Боге, прибегает к его покровительству.

Что же касается повода, послужившего конкретной причиной возникновения “переписки” митрополита Филарета и поэта Пушкина — стихотворения “Дар напрасный, дар случайный...” — то, отметим это особо, написано оно было Пушкиным 26 мая 1828 года, в день своего 29-летия, и, видимо, оттого в этих стихах и присутствует — в качестве отправной точки — некая грусть и даже “мировая скорбь”.

Вместе с тем, вполне осознавая, что подобные вопросы — “Жизнь, зачем ты мне дана?” — есть некое “общее место”, Пушкин не мог не окрасить свои стихи некоторой долей самоиронии и абстракции.

Впрочем, всего семью днями ранее, 19 мая 1828 года, он пишет другое стихотворение — “Воспоминание” — на сходную тему, в котором, однако, звучит не элегическая жалоба, а высокое и подлинное личное переживание.

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток... —*

пишет поэт.

Однако отношение его к прожитому не просто сокрушённое, но и двойственное:

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Наш современник скажет об этом иначе – мягче, легче: “Я хотел стереть бы эти краски, // Да уже просохло полотно”. До пушкинского “отвращения”, “трепета”, “проклятий” и “слёз” ему, увы, далеко; он даже и не помышляет о том, чтобы что-то изменить: мол, случилось – и случилось, ничего не поделаешь...

Но вовсе не это горькое и страдательное, полное живых и горячих чувств стихотворение обратило на себя внимание митрополита Филарета, а, напротив, вполне тихое, “унылое”, – “Дар напрасный, дар случайный...”. Почему?

*Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум...*

Хотя, согласитесь, поверить в эту “праздность” и “пустоту” очень трудно. Ведь к этому времени, к 1828 году, Пушкиным написан целый ряд блестящих поэм и сказок – “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, “Цыганы”, “Полтава” и др. А кроме того, созданы “Борис Годунов”, “Моцарт и Сальери”, “Скупой рыцарь”, написана почти половина “Евгения Онегина” и стихотворений – без числа. Да и роль, и место поэта в российской словесности и общественной жизни можно считать вполне значительными. Так что это стихотворение – “Дар напрасный, дар случайный...” – если хотите, случайность, “минутная слабость”.

Но не так посчитала давняя знакомая Пушкина – Елизавета Михайловна Хитрово. В принципе её роль в этой истории с “перепиской” хорошо известна. Это именно она, женщина, беззаветно, до экзальтации, до самозабвения влюблённая в Пушкина, в его гений, посчитала это стихотворение свидетельством чёрной меланхолии поэта и прибегла к помощи своих связей, чтобы показать его митрополиту Филарету и, возможно (здесь, увы, мы можем только предполагать), просить его каким-то образом воздействовать на поэта, помочь ему духовно воспрянуть – дабы “спасти” его...

“Вы всегда найдёте во мне для себя – для вашей жены и ваших детей – друга, подобного скале... рассчитывайте на меня – на жизнь и на смерть, располагайте мною во всём без стеснения”, – так писала Е. М. Хитрово в одном из писем Пушкину перед его женитьбой.

Стоит отметить, что такое чрезмерное внимание со стороны женщины, на 16 лет его старше, вызывало и у Пушкина, да и в обществе довольно ироничное отношение. (Впрочем, со стороны дам всё же оправдательно-извинительного толка, но со стороны мужчин – откровенно насмешливое.) Но Елизавету Михайловну это ничуть не смущало. Она была уверена как в гениальности Пушкина, так и в правоте своей заботы о нём.

В пользу же митрополита Филарета говорит и то, что он пошёл навстречу женщине, понял её тревогу о Пушкине и как пастырь добрый возжелал избавить поэта от философского нигилизма, а также и то, что он использовал представившуюся возможность – в диалоге с известным стихотворцем – заявить о позиции Церкви по данному вопросу. Отечески назидательная и строгая интонация его стихотворной “проповеди” однозначно свидетельствует именно об этом.

Обратим внимание и на то, что митрополит Филарет пошёл по очень простому пути: он фактически только “отредактировал” стихотворение Пушкина, сохранив всю его структуру – и размер, и почти все слова, и рифмы. Целью его было одно: изменить смысл стихов, на место знака “минус” поставить знак “плюс”, и наоборот.

Но каков Пушкин. Он – принимает вызов. Он решается в ответных стихах со всей полнотой разъяснить свою позицию...

Но сначала, думается, следует сказать несколько слов о самом митрополите Московском Филарете (Дроздове). Прежде всего, никак нельзя сбрасывать со счетов множество отнюдь не положительных суждений о нём. Известно, например, что сам Пушкин величал его “старым лукавцем”, безбожник Герцен – “белым клобуком с аксельбантами жандарма”, христианин Лесков – “бессердечным святителем”. Кроме того, у “писателя народной жизни” – Лескова не только в личных письмах, но и в рассказах можно встретить множество нелицеприятных оценок митрополита Филарета. А знаменитый русский историк С. М. Соловьев, по свидетельству того же Лескова, отзывался о нём так: “Николай погубил тысячи, а Филарет – тьмы”. Следует отметить, что не ко всем “ревнителям веры” они относились столь резко, но именно к деятельности Филарета. Не вдаваясь в причины таких оценок этими известными лицами, не анализируя роли Филарета в общественной жизни России тех лет (материя это тонкая, и она нас далеко бы завела), обратимся к самим стихам Пушкина, а конкретней – к всего двум заключительным строкам второго из приведённых стихотворений, на “примере” которых многие исследователи строят свои “доказательства” о якобы изменившемся к 1830 году его мнении о деятельности митрополита. Думается, такое истолкование стихотворения Пушкина “В часы забав иль праздной скуки...” – натяжка явная. Почему? Да потому, напомним, что писано это “покаянное” стихотворение Пушкиным именно по просьбе Е. М. Хитрово. И потому ещё, что, как известно, сам Пушкин возможность диалога, которую ему давала укоризненная отповедь Филарета –

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана... —*

считал “большой удачей”. Во-первых, у Пушкина уже был опыт по этой части. В 1824 году всего за несколько атеистически непочтительных фраз в частном письме, распечатанном полицией, о Библии и её “авторе” – Святом Духе (“...читаю Шекспира и Библию, Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира...”) Пушкин был выслан из Одессы в Михайловское. Так что он понимал, что “со святителями шутки плохи” и что со своими “скептическими куплетами” он вновь попал-таки на заметку. Во-вторых же – и в этом весь Пушкин! – не пошутить он также, естественно, не мог. Пристальное прочтение последних четырёх строк стихотворения – в обеих редакциях, – и в той, которая была “забракована” цензором (негоже, мол, так, напрямую, по имени поэту обращаться к Первосвятителю):

*Твоим огнём душа согрета,
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт, —*

и в новой, исправленной строфе:

*Твоим огнём душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт, —*

позволяет увидеть: суть здесь одна и та же. И “согрета”, и “палима” душа поэта неким “твоим огнём”, воздействие которого и отвергает “мрак земных сует”. О том, что это за “огонь”, чуть ниже, хотя уже ясно, что этот “огонь” и “арфа” никак не ассоциируются друг с другом, не находясь в синонимическом ряду, а напротив – противопоставлены.

И ещё. Самое главное. Нельзя разве, вопреки уже установившемуся мнению, заключить (в свете всей “вынужденности” истории создания стихотворения), что именно ради этих двух последних строк, ради убийственной скрытой в них антитезы (“арфа” – “ужас”) и писал Пушкин свой ответ Филарету? И более того: “ужас поэта”, противопоставляемый “арфе серафима”, Пушкин называет “священным”. Свой – поэтический – “ужас” – “священным”! А себя – внимающим “в ужасе”... Почему?

Случайных слов у Пушкина не было. Каждое точно ставилось на своё место. Многоплановое, многосмысленное сочетание “священный ужас” допускает различные толкования. Внимать в ужасе можно, скажем, раскаиваясь в своей ужасной греховности... Но можно... и ужасаясь нелепости того, чему внимаешь. И ещё: “священный ужас” — это не только чувство, возникающее у поэта, внимающего, заметьте здесь, не самому “серафиму”, а лишь его “арфе” (что легко рассматривать как намёк на дидактический строй стихотворения Филарета), но и, кроме того, это вполне возможная ироническая оценка всего целиком собственного стихотворения, пробуждённого к жизни этой самой “арфой”...

Обращает на себя внимание и ещё одна удивительная подробность: именно в этих двух последних строках стихотворения Пушкин внезапно меняет непосредственно своё (“я...”, “мне...”, “меня...”) обращение к адресату стихотворения (“ты...”, “твой голос...”, “твоих речей...”, “твоим огнём...”) на безлично отстранённую — описательную — форму третьего лица: “И внемлет арфе серафима // В священном ужасе поэт”. Невольно приходит мысль, что в первых восемнадцати строках стихотворения одна пара героев: “Я” и “Ты”, а в концевых двух строках — другая: “серафим” (“Филарет”) и “поэт”. Так и напрашивается предположение, что на “ты” Пушкин обращался не к Филарету, а к кому-то другому... К кому?... Может быть, — к Богу! — что не раз можно встретить в его сочинениях... Да и, кроме того, сама сила воздействия этого “ты” в стихотворении (перечитайте его!) очерчена куда ярче, резче, выразительней, чем пассивно страдальным “внемлет”. Удивительно и другое совпадение (случайное ли?!): из 20 строк стихотворения только две — все те же — обращены конкретно к Филарету. Уж не просматривается ли здесь бывший ещё в ходу в пушкинские времена признак церковной десятины, по которой одну десятую часть всех трудов и доходов полагалось отчислять церкви...

Можно и ещё приводить аргументы, ещё “поиграть словами”, ни на минуту, однако, не забывая, что Пушкин-то играл не словами, а смыслами, что он не просто сочинительствовал, — он жил своей поэзией. И ответ на свой собственный вопрос — “Жизнь, зачем ты мне дана?” — был ему вполне ясен:

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв, —
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

И хотя “вдохновение” в этих строках и стоит на первом месте, но и оно, признавал Пушкин, — от Бога; вспомните; “Веленью Божию, о муза, будь послушна...”

Из сказанного, думаю, очевидно, что попытки разбирать пушкинские стихи — дело тонкое и сложное. А иногда и бесполезное. Если, как делает это, например, И. Сурат применительно к пушкинским Стансам (“В часы забав иль праздной скуки...”), прибегать к помощи придуманной какой-то “меры подлинности” — “пушкинистичности” — пушкинских стихов; гораздо убедительней и плодотворнее — не втискивать поэта в прокрустово ложе заданных схем, а объяснять и себе и читателю что-либо “непонятное” в пушкинских стихах и мотивах их созидания, исходя из самого текста и исторических реалий.